

БОТАНИЧЕСКИЙ САД МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К.А. Голиков*

В статье на материалах Архива МГУ рассмотрена деятельность Ботанического сада Московского университета в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С позиций системного подхода прослежено изменение основных параметров структурно-функциональной организации Сада под воздействием неблагоприятных внешних факторов. Показано, как в условиях вызванного войной кризиса, спровоцировавшего дефицит ресурсов для обеспечения научной деятельности, трансформировались направления научных исследований и научно-просветительской работы, изменились состав и структура коллекционных фондов растений, численность и организационно-штатная структура научного и вспомогательного персонала Сада. Особое внимание уделено личности К.И. Мейера, возглавлявшего Ботанический сад в 1940–1948 гг.

Ключевые слова: Ботанический сад, Московский университет, Великая Отечественная война, К.И. Мейер, история науки.

Ссылка для цитирования: Голиков К.А. Ботанический сад Московского университета в годы Великой Отечественной войны // Жизнь Земли. 2025. Т. 47, № 3. С. 438–448. DOI: 10.29003/m4747.0514-7468.2025_47_3/438-448.

Поступила 07.08.2025 / Принята к публикации 03.09.2025

BOTANICAL GARDEN OF MOSCOW UNIVERSITY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

K.A. Golikov, PhD

The article, based on materials from the Moscow State University Archives, examines the activities of the Botanical Garden of Moscow University during the Great Patriotic War (1941–1945). Using a systematic approach, the article traces changes in the main parameters of the Botanical Garden's structural and functional organization under the influence of adverse external factors. It is shown how, in the context of the crisis caused by the war, which led to a shortage of resources for scientific activities, the areas of research and educational work were transformed, and the composition and structure of the Botanical Garden's plant collections, as well as the number and organizational structure of its scientific and auxiliary staff, changed. Special attention is paid to the personality of K.I. Meyer, who headed the Botanical Garden in 1940–1948.

Keywords: Botanical Garden, Moscow University, Great Patriotic War (1941–1945), K.I. Meyer, history of science.

For citation: Golikov, K.A., "Botanical Garden of Moscow University during the Great Patriotic War", *Zhizn Zemli* [Life of the Earth] 47, no 3, 438–448 (2025) (in Russ., abstr. in Engl.). DOI: 10.29003/m4747.0514-7468.2025_47_3/438-448.

Введение. В 2025 г. исполнилось 80 лет Победе в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Неоценимый вклад в её достижение внесли труженики тыла, и среди них – учёные Московского университета. Война как системный кризис неизбежно

* Голиков Кирилл Андреевич – к.б.н., с.н.с., Музей земледования МГУ, iris750@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4659-0301.

затронула все сферы жизни общества. С позиций системного подхода, кризис – состояние неустойчивости системы, выход из которого может быть осуществлён альтернативными путями: либо через разрушение системы (т. е. переход на более низкий уровень организации с высвобождением ресурса), либо путём модернизации – усложнения структурно-функциональной организации за счёт привлечения ресурса [2, 3].

В этом смысле Ботанический сад Московского университета – старейшее научное ботаническое учреждение России [5, 16] – с точки зрения системного подхода может быть рассмотрен как сложная открытая социальная система, функционирующая в динамично изменяющейся среде.

Если до 1930-х гг. Сад являлся учебно-вспомогательным подразделением университета, то Постановлением СНК РСФСР 28 июля 1937 г. Ботанический сад при Московском государственном университете был выделен «в самостоятельное учреждение», и его финансирование с 1 января 1938 г. принято на государственный бюджет¹. 29 ноября 1940 г. Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при СНК СССР утвердил Положение «О Ботаническом саде Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова», согласно которому Сад являлся «научно-исследовательским, учебно-вспомогательным и научно-просветительным учреждением биологического факультета Московского государственного университета»².

В задачи Ботанического сада входило: обеспечение учебной и научной работы кафедр факультета и разработка специальных проблем по их заданиям, сохранение и пополнение живых коллекций растений, обмен семенами и коллекционными растениями с другими советскими и зарубежными научными и учебными учреждениями, популяризация основ ботаники, современных достижений ботанической науки и идей эволюции растительного мира среди учащихся и широких слоёв населения путём лекций, экскурсий, консультаций, а также устройство постоянных и периодических выставок.

Начавшаяся война повлияла на направленность научных исследований и научно-просветительской работы, их организацию, неизбежно отразилась на состоянии коллекционного фонда растений (их количестве и распределении), а также на организационно-штатной структуре Сада и численности его персонала. В условиях кризиса возрастает роль руководителя организации как управляющего элемента системы. В годы Великой Отечественной войны Ботанический сад возглавлял Константин Игнатъевич Мейер.

Константин Игнатъевич Мейер – известный ботаник, почётный член Всесоюзного ботанического общества, организатор и историк отечественной науки, действительный член Московского общества испытателей природы (с 1905 г.). С 1923 г. К.И. Мейер занимал в МОИП ряд руководящих должностей: член Совета, член и председатель бюро его секции ботаники, с 1931 г. – учёный секретарь, а с 1946 г. – почётный член этого Общества. Константин Игнатъевич награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями.

Вехи его научной биографии освещены в энциклопедических [7], в т. ч. электронных [22] изданиях. Юбилеям учёного посвящены статьи в Бюллетене МОИП [11, 18] и в «Ботаническом журнале» [14]. Наиболее обстоятельный очерк о нём принадлежит В.Н. Тихомирову [21]. Памяти Мейера посвящены материалы тематических сборников [12, 20]. В ряде изданий Московского университета затронуты периоды его руковод-

¹ Архив МГУ. Ф. 56. Оп. 1 (2). Д. 2. Л. 1.

² Там же. Оп. 1 (2). Д. 16. Л. 1–2.

ства Ботаническим садом [5, 9] и кафедрой морфологии и систематики растений [4]. С историко-научной точки зрения безусловный интерес представляет электронный биобиблиографический диск «Русский ботаник К.И. Мейер» [13], а также воспоминания о нём [1]. Публикации о Мейере как альгологе [19] и историке науки [8] дополняют портрет его многогранной личности.

Жизнь и судьба этого *«крупного ботаника, удивительно скромного и интеллигентного человека..., воспитавшего несколько поколений ботаников»*, [13, с. 31] неразрывно связана с Московским университетом. Константин Игнатьевич являлся одним из последних прямых учеников профессора Ивана Николаевича Горожанкина – основателя московской школы морфологов растений, возглавлявшего кафедру морфологии и систематики растений (1875–1904) и Ботанический сад Московского университета (1874–1902) [17]. Там Мейер возглавлял секцию высших растений НИИ Ботаники (как действительный член этого Института в 1922–1930 гг.), кафедру морфологии и систематики высших растений (1929–1931 и 1938–1963) и Ботанический сад (1940–1948). Его ученик В.Н. Тихомиров (директор Ботанического сада в 1967–1987 гг. и заведующий кафедрой морфологии и систематики высших растений в 1978–1998 гг.) характеризовал учителя как разносторонне образованного учёного-энциклопедиста.

Диапазон его научных изысканий был необычайно широк – как по охвату изучаемых явлений, так и по объектам исследований. В сферу научных интересов Константина Игнатьевича входили альгология, флористика, морфология и эмбриология, систематика и филогения растений. Отмечая великолепное знание Мейером специальной литературы, В.Н. Тихомиров подчёркивал, что тот любил сам процесс исследовательской работы, которая отличалась *«исключительной точностью наблюдений, превосходной их документацией и блестящей по убедительности интерпретацией»* [21, с. 6].

Учеников Мейера привлекали не только его лекции – *«изумительно ясные и логичные, насыщенные хорошо подобранными фактами и глубоко продуманные»*, но и его преданность науке, профессиональная компетенция, безусловный авторитет и редкое личное обаяние, умение *«удивительно тактично ориентировать усилия начинающего исследователя в наиболее интересном и перспективном направлении»*. При этом Константин Игнатьевич был *«исключительно скромным, добрым, благожелательным и отзывчивым человеком, не терпевшим никакой фальши ни в науке, ни в отношениях между людьми»* [21, с. 14]. По оценке А.К. Тимонина [20], возглавлявшего кафедру морфологии и систематики высших растений биологического факультета МГУ в 2000–2015 гг., во многом благодаря Мейеру, сохранявшему личные связи с ведущими зарубежными ботаниками, удавалось не только получать современную научную литературу, но и поддерживать высокие стандарты исследовательской и педагогической работы.

По выпуску в 1899 г. из Рязанской губернской гимназии он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета³. Окончив его в 1903 г. с дипломом первой степени по специальности описательной ботаники, Константин Игнатьевич был оставлен для приготовления к профессорскому званию⁴. В 1905 г. его избрали действительным членом МОИП. Преподавать Мейер начал в 1906 г. на Московских высших женских курсах (в октябре 1918 г. преобразованных во II МГУ): сначала ассистентом кафедры морфологии и систематики растений, а с 1917 по 1928 гг. – профессором⁵. Эта кафедра входила в состав естественного отдела-

³ Центральный Государственный Архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 313. Д. 424.

⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 72. Д. 273.

⁵ Архив МГУ. Ф. 56. Оп. 1л. Д. 1017. Л. 1 об.

ния физико-математического факультета, затем – химико-фармацевтического (до его ликвидации в 1928 г.)⁶.

В Московском университете педагогическая карьера Мейера началась в 1913 г., когда он стал ассистентом кафедры морфологии и систематики растений. Защитив в 1915 г. магистерскую диссертацию⁷, он в 1918 г. стал профессором I МГУ, одновременно (1918–1929) заведующим лабораторией университетского Ботанического сада. С этого времени Константин Игнатьевич поселился на 1-й Мещанской улице, 28 – в доме на территории Сада, где по традиции жили его директора. М.И. Голенкин – директор Сада в 1902–1930 гг. – в порядке «самоуплотнения» предложил Мейеру занять треть дома [1]. В декабре 1940 г. Мейера назначили директором Сада, который он возглавлял до 1948 г.

В первом полугодии 1941 г. работа велась «согласно утверждённому плану». После начала Великой Отечественной войны, во втором полугодии «научно-исследовательская тематика была изменена в соответствии с требованиями момента всемерной помощи фронту и обороне страны»⁸.

Были мобилизованы учёный садовод С.А. Ижевский, его помощник И.Е. Карнеев, а также некоторые квалифицированные садовые рабочие. Оставшиеся работники производственного сектора, «осознавая ответственность момента, работают внимательно и самоотверженно»⁹. Всего же во втором полугодии 1941 г. по мобилизации и эвакуации вышло 12 человек. Эвакуировались: с.н.с. М.П. Нагибина, н.с. А.П. Пиманюк и М.С. Чичагова, сотрудники Г.П. Капранова и Е.Г. Кирпичёва, лаборанты В.А. Шаронов, М.Я. Перепёлкина и З.В. Глебова. По болезни выбыл с.н.с. Г.Г. Треспе, и по личному заявлению – с.н.с. к.б.н. Ф.А. Бынов¹⁰.

После выхода распоряжения Народного комиссариата просвещения об эвакуации университета деятельность Сада свелась к сохранению коллекционных растений, «особенно ответственной и трудной в условиях воздушных налётов, рано начавшихся сильных морозов и затруднению по снабжению топливом»¹¹.

Чтобы обеспечить выполнение этой задачи, Мейер как директор хлопотал о возвращении в Сад необходимых для работы сотрудников, призванных на военную службу. Так, вскоре после начала Великой Отечественной войны, 25 августа 1941 г., он просил военно-учётный стол МГУ «возбудить ходатайство перед Октябрьским военным Комиссариатом гор. Москвы о предоставлении брони зам. директора и уч. садоводу Ижевскому, Сергею Александровичу, год рождения 1896, необученный, в армии никогда не служил». Обосновывая просьбу, Мейер пояснял, что Ижевский, работавший в Ботаническом саду с 1933 г., «руководит хозяйственной и научно-садовой деятельностью Сада, и, как специалист, никем не может быть замещён»¹².

11 сентября Мейер направил заявление начальнику 1-й части Горячеву о том, что «дирекция Ботанического сада Московского ордена Ленина Гос. Университета ходатайствует на основании прилагаемого при сём отрезка-извещения за № 71 от 14-VIII-41, об отчислении Ижевского, С.А. из воинской части». Мейер напоминал, что «ходатайство о предоставлении ему брони было подано своевременно, но не было в момент

⁶ Там же. Оп. 1л. Д. 1017. Л. 5 об.

⁷ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 590.

⁸ Архив МГУ. Ф. 56. Оп. 1 (2). Д. 28. Л. 3.

⁹ Там же. Оп. 1 (2). Д. 28. Л. 18.

¹⁰ Там же. Оп. 1 (2). Д. 28. Л. 23.

¹¹ Там же. Оп. 1 (2). Д. 28. Л. 3.

¹² Там же. Оп. 1л. Ед. хр. 614. Л. 50.

мобилизации получено из Мос. Гос. Университета и поэтому не предъявлено». Мейер пояснял, что «т. Ижевский, заместитель директора Ботанического сада, является учёным садоводом-агрономом, хранителем ценнейших тропических и субтропических коллекций растений, уход за которыми требует специальных знаний. В настоящий момент подготовки к зимнему сезону его присутствие особенно необходимо, т. к. немелкая уборка может погубить редкие экземпляры растений, из которых некоторые насчитывают свыше 100 лет. Помощник т. Ижевского и старший садовник также мобилизованы, так что коллекции Сада находятся под угрозой гибели от отсутствия квалифицированных работников»¹³.

19 сентября дирекция Сада просила горвоенкомат рассмотреть это заявление и разрешить Ижевскому, призванному в ряды РККА 30 августа 1941 г. через учётно-воинский стол 15-го отделения милиции г. Москвы, «вернуться к исполнению обязанностей в Ботаническом саду». Только 3 октября главному садовнику И.Е. Карнееву было выписано удостоверение за № 860 «в том, что он направляется дирекцией Ботанического сада МГУ в Горвоенкомат для выяснения дела об отзыве замдиректора Сада Ижевского С.А. из военной части»¹⁴.

По возвращении в Сад Ижевский вместе с Карнеевым и другими сотрудниками в первую очередь вынуждены были спасти коллекционные растения от холода. Центральное отопление в субтропических оранжереях выключили; одну из них пришлось ликвидировать, а растения из неё распределить по трём другим, для обогрева которых поставили чугунные времянки¹⁵. На территории Сада вырыли бомбоубежища, и ночами сотрудники дежурили в Саду, чтобы предотвратить пожар от зажигательных бомб, которые фашисты сбрасывали на Москву [22].

Работа Ботанического сада в 1942 г. протекала «в исключительно тяжёлых условиях», требовавших «большого напряжения и бдительности»: суровой зимы, затяжной холодной весны и отсутствия запасов топлива для поддержания приемлемой температуры в оранжереях. Когда в тропических оранжереях она опускалась ниже необходимого минимума, её приходилось поднимать с помощью угольных жаровен. При этом благодаря исключительно добросовестному, сознательному и самоотверженному отношению к делу сотрудников, Саду – единственному в РСФСР (!) – удалось полностью сохранить коллекции растений, не утративших своей научной и научно-просветительной ценности. На базе этого коллекционного материала предполагалось восстановление пострадавших ботанических садов.

Недостаток топлива, рабочих рук, стройматериалов для ремонта, отсутствие транспорта остро ощущались и в 1943 г., особенно в первом квартале. Тем не менее благодаря внимательному отношению к топливным нуждам Сада со стороны Наркомпроса и Моссовета к зиме 1943–44 гг. дирекции Сада удалось своевременно создать запас топлива, исключающий возможность повторения «катастрофических положений предыдущих зим военного времени». Однако из-за затруднений с переходом на подмосковный уголь возникли проблемы с центральным отоплением, в результате чего в тропических оранжереях пришлось сложить печи и топить их дровами.

Одним из основных направлений научных исследований Сада с 1930-х гг. и до начала Великой Отечественной войны являлось выведение новых форм декоративных и полезных растений путём отбора, гибридизации и воздействия химических и физиче-

¹³ Архив МГУ. Ф. 56. Оп. 1л. Ед. хр. 614. Л. 43.

¹⁴ Там же. Оп. 1л. Ед. хр. 614. Л. 44–45.

¹⁵ Там же. Оп. 1 (2). Д. 36. Л. 3 об.

ских факторов. Однако война внесла коррективы в проблематику научных исследований Сада. 1941 год начинался обычно. В утверждённый Учёным советом биологического факультета план включалось изучение двух проблем: 1) Экспериментальное формообразование в связи с внутриклеточными изменениями и 2) Зелёное строительство¹⁶.

Однако после начала Великой Отечественной войны, во втором полугодии 1941 г. «научно-исследовательская тематика была изменена в соответствии с требованиями момента всемерной помощи фронту и обороне страны». Так, в рамках проблематики «Экспериментальное формообразование», которую разрабатывала проф. Л.П. Бреславец, тема «Природа махровости» была снята, а «Изменение пола» – законсервирована. Вместо них в план включили темы «Селекция потомков рентгенизированной ржи» и «Отбор на урожайность среди потомков полиплоидов яровой ржи»¹⁷. Вне плана Сада Бреславец ещё в 1939 г. начала исследование стимуляции к мутации озимой и яровой ржи раствором колхицина¹⁸. При этом во втором полугодии 1941 г. Л.П. Бреславец и Г.Г. Треспе, кроме плановых, вели работы оборонного характера, результаты которых были «направлены по назначению»¹⁹.

Вместо проблемы «Зелёное строительство» началась разработка новой, «соответствующей моменту» проблемы «Повышение урожайности полезных культур». Две из пяти плановых тем первого полугодия: «Получение зимостойких иммунных форм флоксов и дельфиниумов» (с.н.с. М.П. Нагибина) и «Сравнительное изучение ритмов развития флоры Бот. Сада МГУ и окрестностей Москвы» (к.с.-х.н. А.П. Пиманюк) были исключены из плана второго полугодия 1941 г. «ввиду отъезда исполнителей»²⁰. К.б.н. Ф.А. Бынов, в первом полугодии разрабатывавший тему «Сравнительное изучения строения цветов у различных форм георгин», переключился на тему «Отбор из географических рас наиболее урожайных и скороспелых форм ячменя», однако ввиду спешного отъезда эту работу не завершил.

В 1942 г. Л.П. Бреславец продолжила разработку проблемы «Экспериментальное формообразование в связи с внутриклеточными изменениями». Проблема «Зелёное строительство» включала три темы. Н.с. И.Г. Серебряков изучал биологию вечнозелёных растений; н.с. Е.Д. Порубиновская исследовала долговечность семян лекарственных, декоративных и некоторых каучуконосных растений, расширив введённую во втором полугодии 1941 г. тему «Долговечность семян некоторых декоративных растений». В задачи разрабатываемой к.б.н. с.н.с. Е.И. Мейер темы «Вегетативное размножение растений листом и листом с пазушной почкой»²¹ входило получить максимальное количество растений с наименьшими затратами посадочного материала, а также изучить изменения анатомического строения подопытных растений в процессе вегетативного размножения. Эта тема тесно пересекалась с разрабатывавшейся в 1940–41 гг. по специальному заданию Народного комиссариата земледелия темой «Черенкование пазушной почкой». Однако в условиях военного времени из-за дефицита отопляемого места в оранжерее не удалось в полной мере развернуть опыты в этом направлении.

При этом научные исследования в 1943 г. велись «в соответствии с требованиями всемерной помощи восстанавливаемому сельскому хозяйству»²². Согласно протоколам

¹⁶ Там же. Оп. 1 (2). Д. 25. Л. 2.

¹⁷ Там же. Оп. 1 (2). Д. 28. Л. 3, 6.

¹⁸ Там же. Оп. 1 (2). Д. 18. Л. 21–22.

¹⁹ Там же. Оп. 1 (2). Д. 18. Л. 7–9.

²⁰ Там же. Оп. 1 (2). Д. 28. Л. 8.

²¹ Там же. Оп. 1 (2). Д. 36. Л. 2.

²² Там же. Оп. 1 (2). Д. 42. Л. 1.

собраний научных сотрудников Ботанического сада МГУ за 1944 г., в их исследованиях появляются темы, снятые и законсервированные в начале войны. Так, Л.П. Бреславец, помимо «Полиплоидии яровой ржи», изучала «Полиплоидию и махровость у левкоя», а также «Изменение пола у конопли под влиянием полиплоидии». В русле проблематики «Зелёного строительства» И.Г. Серебряков разрабатывал тему «Биология вечнозелёных растений», Е.И. Мейер – «Вегетативное размножение декоративных растений». С.А. Ижевский сделал отчётный доклад «о коллекции грунтовых роз Ботанического сада МГУ, проводившейся с ними в довоенное время работе по выведению новых сортов, пригодных для культуры в условиях Москвы, и о дальнейших перспективах этой работы»²³.

Тематический план научно-исследовательской работы на 1945 г. предусматривал продолжение разработки проблем предыдущих лет. Однако в их тематике прослеживается возврат к довоенным исследованиям. Так, в рамках проблемы «Экспериментальное формообразование в связи с внутриклеточными изменениями» разрабатывались темы «Экспериментальное получение полиплоидных форм у растений» и «Изменение пола у растений». Проблема «Зелёное строительство» включала темы «Биология вечнозелёных растений», «Вегетативное размножение декоративных растений», «Выведение чистых линий анютиных глазок, астр и настурций», «Сортоизучение коллекции грунтовых роз Ботанического сада» и «Систематический анализ ирисов в коллекции Ботанического сада»²⁴.

Таким образом, в научных исследованиях Ботанического сада на протяжении военных лет превалировала проблематика «Экспериментальное формообразование», в рамках которой проф. Л.П. Бреславец разрабатывала две темы: «Селекция потомков рентгенизированной ржи» и «Отбор на урожайность среди потомков полиплоидов яровой ржи». Проблема «Зелёное строительство» вначале трансформировалась в проблему «Повышение урожайности полезных культур». К концу войны наблюдается возврат к вопросам озеленения и изучения тематики, разрабатываемой в рамках исследования декоративных коллекционных растений.

Организованные экскурсии по Ботаническому саду «ввиду военного времени»²⁵ проводились только в первом полугодии 1941 г., когда на 320 экскурсий пришли 6613 человек (из них 1686 взрослых и 4927 детей). В этот период в индивидуальном порядке Сад посетило 29 611 человек, а за весь год – 55 055²⁶. В 1942 г. количество экскурсий резко сократилось: в первом полугодии состоялись лишь две, а всего за год – 16. Они проводились преимущественно по лекарственным и полезным растениям.

Если в 1941 г. сотрудники Сада дали более 500 консультаций по вопросам теоретической и прикладной ботаники²⁷, то уже в первом полугодии 1942 г. – более 200 консультаций «педагогического и научного характера»; проходившие «в полевой обстановке», они касались главным образом вопросов огородничества, табаководства и употребления в пищу дикорастущих растений. Для консультаций по огородным культурам и их агротехнике в Саду организовали показательный огород²⁸.

Для содействия горожанам в выполнении постановления об организации коллективных и индивидуальных огородов, в 1942 г. вместо цветочной рассады в Саду стали выгонять огородную, 150 тыс. экземпляров которой Сад предоставил ряду учреждений по договорам. Так, 50 тыс. штук капустной и томатной рассады получил Свердловский

²³ Архив МГУ. Ф. 56. Оп. 1 (2). Д. 46. Л. 9-9 об.

²⁴ Там же. Оп. 1 (2). Д. 50. Л. 1 об.

²⁵ Там же. Оп. 1 (2). Д. 28. Л. 12.

²⁶ Там же. Оп. 1 (2). Д. 28. Л. 12-14.

²⁷ Там же. Оп. 1 (2). Д. 28. Л. 15.

²⁸ Там же. Оп. 1 (2). Д. 36. Л. 2 об., 3 об., 10.

райсовет, 20 тыс. – Правление ДСК «Пятилетка», 18 тыс. – Глававтогон. 25 тыс. штук было отпущено для огорода Университета, а заместителя учёного садовода И.Е. Карнева включили консультантом в университетскую «огородную комиссию»²⁹.

Заключение. За годы войны оранжерейное хозяйство Сада пришло «в полную изношенность», в связи с чем его руководство обратилось в ректорат с просьбой назначить специальную комиссию, установившую «тяжёлое положение Сада». В пятилетний план строительства Ботанического сада, проект которого утвердил Учёный совет биологического факультета, включили строительство новых оранжерей, парникового хозяйства, а также подсобных строений и жилого дома³⁰.

Устойчивость организационной системы в стохастической среде определяется способностью сохранять функциональность в изменяющихся условиях [6]. Способность к самоорганизации, присущая сложным адаптивным системам, позволяет предотвратить разрушение их структуры в области ограниченной нестабильности [23]. При этом управление такой системой в ситуации неопределённости, нарастающей по мере усложнения внешних условий, направлено на управление энтропией [15].

Так, после начала Великой Отечественной войны – во втором полугодии 1941 г. – усилия сотрудников Ботанического сада сосредоточились на сохранении коллекций растений; тематика научных исследований была сокращена и скорректирована; организованные экскурсии прекратились – остались только индивидуальные посетители, а тематика научно-просветительной работы свелась к утилитарным вопросам. Качественный перелом стал возможен в начале 1944 г., когда наладилось обеспечение топливом для обогрева оранжерей и устойчивого поддержания коллекционных фондов растений, а на их базе – осуществление основных функций Сада как научно-исследовательского и учебно-вспомогательного подразделения.

Уже к 1945 г. по ключевым параметрам деятельности Ботанического сада – научно-исследовательскому, учебно-вспомогательному и научно-просветительному – прослеживаются улучшения по сравнению с предыдущими военными годами. Так, в проблематике научных исследований наблюдается возврат к довоенной тематике. Относительно работы с коллекционным фондом: количество делектусов (обменных каталогов семян), разосланных по СССР, почти сравнялось с уровнем довоенного времени; возобновилась рассылка их за границу, хотя и в существенно меньшем объёме, как и рассылка самих семян. Характерно, что по СССР пакетов с семенами было разослано даже больше, чем в 1941 г. (тогда как получено примерно вполтину меньше относительно довоенного времени)³¹.

Что касается научно-просветительской работы, то численность индивидуальных посетителей Сада (взрослых и детей) втрое превысила уровень 1941 г. При этом количество экскурсий и выступлений в средствах массовой информации вышло на довоенный уровень³², а число консультаций достигло примерно половины. Стабилизировалась организационно-штатная структура и численность персонала Сада.

Усилиями коллектива Ботанического сада под руководством К.И. Мейера в условиях военного времени удалось сохранить коллекции растений как основу для научной, учебной и просветительской работы, благодаря чему стал возможен выход из кризиса и последующее развитие. Это внесло свой вклад в дело послевоенного восстановления

²⁹ Там же. Оп. 1 (2). Д. 36. Л. 1-5, 11–12.

³⁰ Там же. Оп. 1 (2). Д. 50. Л. 1, 2 об.

³¹ Там же. Оп. 1 (2). Д. 36. Л. 9-10, 15; Д. 50. Л. 6.

³² Там же. Оп. 1 (2). Д. 36. Л. 16; . Д. 50. Л. 6.

других отечественных ботанических садов, и впоследствии – в начале 1950-х гг. – способствовало обеспечению коллекционным посадочным материалом новой территории Сада на Ленинских горах.

Таким образом, Ботанический сад Московского университета уже в год окончания Великой Отечественной войны вышел из вызванного ею кризиса по основным показателям своей деятельности как научно-исследовательского, учебно-вспомогательного и научно-просветительского подразделения биологического факультета МГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Л.В., Калесник Е.В. Иван Николаевич Горожанкин. 1848–1904. М.: Наука, 1998. С. 176–181. 208 с.
2. Берталанфи Л. Общая теория систем: Критический обзор // Исследования по общей теории систем / Общ. ред. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
3. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. В 2-х кн.: Кн. 1 / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Экономика, 1989. 304 с.
4. Биологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2005. 242 с.
5. Ботанический сад Московского университета. 1706–2006: первое научное ботаническое учреждение России / Под ред. В.С. Новикова, М.Г. Пименова, К.В. Киселевой, В.Е. Гохмана, А.Ю. Паршина. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2006. 268 с.
6. Бурков В.Н., Губко М.В., Коргин Н.А., Новиков Д.А. Теория управления организационными системами и другие науки об управлении организациями // Проблемы управления. 2012. № 4. С. 2–10.
7. Волков В.А., Куликова М.В. Московские профессора XVIII – начала XX веков: Естественные и технические науки / Отв. ред. С.С. Илизаров М.: Янус-К; Московские учебники и Картолитография, 2003. 296 с. (Деятели науки и просвещения Москвы XVIII–XX вв. в портретах и характеристиках).
8. Голиков К.А. Учёные школы И.Н. Горожанкина в биобиблиографических очерках К.И. Мейера // Жизнь Земли. 2024. Т. 46. № 2. С. 233–242.
9. Голиков К.А. Учёный, организатор науки и труженик тыла Константин Игнатьевич Мейер (1881–1965) // Люди Московского университета на фронтах и в тылу Великой Отечественной войны: коллективная монография / Под ред. В.А. Садовниченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2025. С. 336–349.
10. Кафедре высших растений 200 лет! Учебно-методическое пособие / Лотова Л.И., Тимонин А.К., Куликова Г.Г., Мурашёв В.В., Вартапетян В.В., Кавтарадзе Д.Н., Майоров С.Р., Рудько А.И. 2-е изд. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2004. 152 с.
11. Кудряшов Л.В. К.И. Мейер (к семидесятилетию со дня рождения) // Бюлл. МОИП. Отдел биол. 1951. Т. 56. Вып. 6. С. 78–83.
12. Кудряшов Л.В. Константин Игнатьевич Мейер (5/V 1881 – 19/III 1965) // Морфология растений: сборник статей, посвящённый памяти профессора К.И. Мейера / Отв. ред. А.Н. Сладков. М.: Наука, 1967. 149 с. С. 3–24.
13. Леонов М.В., Новиков В.С. Электронный биобиблиографический диск «Русский ботаник К.И. Мейер» // 50 лет без К.И. Мейера: XIII Московское совещание по филогении растений: Материалы межд. конф. (2–6 февраля 2015 г., Москва) / Ред. Тимонин А.К. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 31–36.
14. Липищ С.Ю., Баранов П.А. Семидесятилетие Константина Игнатьевича Мейера // Ботанический журнал. 1956. Т. 41, № 9. С. 1389–1400.
15. Мартин Н., Ингленд Дж. Математическая теория энтропии / Пер. с англ. В.А. Каймановича. Под ред. А.М. Вершика. М.: Мир, 1988. 350 с.

16. Мейер К.И. Ботанический сад // Учёные записки Моск. гос. ун-та. Юбилейная серия. 1940. Вып. 54: Биология. С. 332–339.
17. Мейер К.И. Иван Николаевич Горожанкин и его роль в развитии русской ботаники. (1848–1904) // Замечательные учёные Московского университета. № 38. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 96 с.
18. Серебряков И.Г. Константин Игнатьевич Мейер – выдающийся советский морфолог растений (к 80-летию со дня рождения) // Бюлл. МОИП. Отдел биол. 1961. Т. 66. Вып. 4. С. 5–12.
19. Скабичевский А.П. Исследования профессора К.И. Мейера растительности и флоры водорослей Байкала // Бюлл. МОИП. Отдел биол. 1966. Т. 71. № 2. С. 17–27.
20. Тимонин А.К. Предисловие // 50 лет без К.И. Мейера: XIII Московское совещание по филогении растений: Материалы межд. конф. (2–6 февраля 2015 г., Москва) / Ред. Тимонин А.К. М.: МАКС Пресс, 2015. 376 с. С. 9–11.
21. Тихомиров В.Н. Классик отечественной ботаники Константин Игнатьевич Мейер (К годовщине со дня смерти) // Бюлл. МОИП. Отдел биол. 1966. Т. 71, № 2. С. 5–16.
22. Чернышёва Л.Ю. Мейер Константин Игнатьевич // Летопись Моск. ун-та (letopis.msu.ru/peoples/979?ysclid=m4zqdalb5z655714767).
23. Packard N.H. Adaptation toward the Edge of Chaos. University of Illinois at Urbana-Champaign, Center for Complex Systems Research, 1988.

REFERENCES

1. Alexeyev, L.V., Kalesnik, E.V., *Ivan Nikolaevich Gorozhankin. 1848–1904* (Moscow: Nauka, 1998) (in Russian).
2. Bertalanffy, L., “General Theory of Systems – A Critical Review”, *General Systems* VII, 1–20 (1962).
3. Bogdanov, A.A., *Tektology: Universal Organizational Science*. In 2 vols (Moscow: Ekonomika, 1989) (in Russian).
4. *Biological Faculty of the Lomonosov MSU* (Moscow: KMK, 2005) (in Russian).
5. Novikov, V.S., et al. (eds.), *Botanical Garden of the faculty of Biology of Moscow University. 1706–2011: the first scientific Botanical institution in Russia* (Moscow: KMK, 2006) (in Russian).
6. Burkov, V.N., Gubko, M.V., Korgin, N.A., Novikov, D.A., “Theory of Management of Organizational Systems and Other Sciences on the Management of Organizations”, *Management Issues* 4, 2–10 (2012) (in Russian).
7. Volkov, V.A., and Kulikova, M.V., *Moscow Professors of the 18th – Early 20th Centuries: Natural Sciences and Engineering*. Ed. by S.S. Ilizarov (Moscow: Janus-K; Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya, 2003) (in Russian).
8. Golikov, K.A., “Scientists of the I.N. Gorozhankin School in bio-bibliographic essays by K.I. Meyer”, *Zhizn Zemli* 46 (2), 232–242 (2024) (in Russian).
9. Golikov, K.A., “Scientist, science organizer and home front worker Konstantin Ignatievich Meyer (1881–1965)”, *People of Moscow University on the fronts and in the rear of the Great Patriotic War: a collective monograph*. Ed. by V.A. Sadovnichiy (336–349) (Moscow: MGU, 2025)
10. Lotova, L.I., et al. (eds.), *Department of Higher Plants is 200 Years Old! Educational and Methodological Guide* (Moscow: KMK, 2004) (in Russian).
11. Kudryashov, L.V., “K.I. Meyer (on the seventieth anniversary of his birth)”, *Bull. MOIP. Biol.* 56 (6), 78–83 (1951) (in Russian).
12. Kudryashov, L.V., “Konstantin Ignatievich Meyer (5/V 1881 – 19/III 1965)”, *Morphology of Plants: Collection of Articles Dedicated to the Memory of Professor K.I. Meyer*. USSR Academy of Sciences. Ed. by A.N. Sladkov (Moscow: Nauka, 1967) (in Russian).
13. Leonov, M.V., Novikov, V.S., «Electronic bio-bibliographic disk “Russian botanist K.I. Meyer”», *50 years without K.I. Meyer: XIII Moscow Meeting on plant phylogeny: Proc. of Int. Conf. (February 2–6, 2015, Moscow)*. Ed. by A.K. Timonin (Moscow: MAKS Press, 2015) (in Russian).
14. Lipshits, S.Yu., Baranov, P.A., “Seventy-Fifth Anniversary of Konstantin Ignatievich Meyer”, *Botanicheskiy zhurnal* 41 (9), 1389–1400 (1956) (in Russian).

15. Martin, N., England, J., *Mathematical theory of entropy*. Ed. by G.-C. Rota (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1981).
16. Meyer, K.I., “Botanical Garden”, *Scientific notes of Moscow University. Anniversary series* **54**, 332–339 (1940) (in Russian).
17. Meyer, K.I., “Ivan Nikolaevich Gorozhankin and his role in the development of Russian botany (1848–1904)”, *Remarkable scientists of Moscow University* **38** (Moscow: MGU, 1966) (in Russian).
18. Serebryakov, I.G., “Konstantin Ignatievich Meyer – an Outstanding Soviet Plant Morphologist (on the 80th Anniversary of His Birth)”, *Bull. MOIP. Sec. Biol.* **66** (4), 5–12 (1961) (in Russian).
19. Skabichevsky, A.P., “Professor K.I. Meyer’s Research on the vegetation and flora of the algae of Lake Baikal”, *Bull. MOIP. Sec. Biol.* **71** (2), 17–27 (1966) (in Russian).
20. Timonin, A.K., “Preface”, *50 years without K.I. Meyer: XIII Moscow Meeting on plant phylogeny: Proc. of Int. Conf. (February 2–6, 2015, Moscow)*. Ed. by A.K. Timonin (Moscow: MAKS Press, 2015) (in Russian).
21. Tikhomirov, V.N., “Konstantin I. Meyer, Classic of Russian botany (on the anniversary of his death)”, *Bull. MOIP. Sec. Biol.* **71** (2), 5–16 (1966) (in Russian).
22. Chernysheva, L.Yu., “Meyer, Konstantin Ignatievich”, *Chronicle of Moscow University* (<https://letopis.msu.ru/peoples/979?ysclid=m4zqdalb5z655714767>) (in Russian).
23. Packard, N.H., *Adaptation toward the Edge of Chaos* (University of Illinois at Urbana-Champaign, Center for Complex Systems Research, 1988)